УДК 947(470.342) DOI: 10.25730/VSU.2070.22.006

«Наставление вятским миссионерам» – миссионерский проект по утверждению новокрещеных в христианской вере

М. А. Орлов
кандидат исторических наук, Петербургский лицей.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к церковной истории. Особое внимание уделяется истории распространения православия среди народов России. В статье выявляются особенности разработки проекта организации православной миссии в Вятской епархии. Проект создавался епархиальным руководством в начале 1830-х гг. и получил название «Наставление вятским миссионерам». Во второй трети XIX в. в различных регионах России появились миссии для утверждения и распространения христианства среди нерусских народов империи. После запрета в конце XVIII в. епархиальным проповедникам осуществлять миссионерскую деятельность обязанность распространения христианской веры и утверждения в ней новокрещеных была переложена на приходское духовенство. Массовые отпадения новокрещеных в язычество и мусульманство в ряде епархий, в том числе и Вятской, привели к учреждению штатных миссионеров. Стали появляться различные инструкции по удержанию новокрещеных в христианской вере. В этом контексте и появляется «Наставление вятским миссионерам». Его особенность заключалась в том, что он был нацелен больше на удержание новокрещеных в христианской вере, нежели на привлечение новых адептов. В статье предпринята попытка рассмотреть практическую реализацию проекта, а также сравнить пункты проекта с планами, разработанными в разное время в епархиях России.

Ключевые слова: миссия, Вятская епархия, Волго-Уральский регион.

История появления «Наставления вятским миссионерам» связана с возрождением интереса к миссионерскому делу, наблюдавшееся в епархиях Поволжья, Урала и Сибири во второй трети XIX в. В конце XVIII в. государство несколько дистанцировалось от миссионерской работы среди народов России. Епархиальным проповедникам[1] запрещено было посещать места проживания неправославных подданных. В 1789 г. был издан указ, согласно которому миссия прекращалась. Это было вызвано слухами, разнесшимися среди башкир о том, что их будут крестить силой [26, л. 1–3]. К тому моменту были еще живы воспоминания о пугачевском бунте, в котором приняли участие массы народов Поволжья и Урала. Это восстание имело не только социальный характер, в нем выразился протест против миссионерской деятельности православного духовенства.

В годы правления императоров Павла I и Александра I православная миссия не была возрождена. И тут возникают вопросы, ответы на которые могли бы содействовать выяснению отношений правительства к конфессиональной политике. Неужели в продолжение трех десятилетий настолько опасались волнений среди нерусского населения, что не решались возродить миссию, дело, которое нередко вызывало протестные движения среди «обращаемых»? Или же отсутствовали поводы к ее возрождению?

Можно указать на несколько фактов, которые позволяют ответить на поставленные вопросы. В годы правления Павла I в Чебоксарском уезде Казанской губернии крещеный из чувашей Иван Семенов «разсеивал по селениям и торжкам о приношении прежних по суеверию их иноверческих молитв». Это был бродячий проповедник анимистических верований. Казанский епископ Амвросий предложил Св. Синоду восстановить деятельность епархиальных проповедников «для наставления и утверждения новокрещеных». Св. Синод передал этот вопрос на рассмотрение в Сенат. А там рассудили, что делом утверждения новокрещеных в Христовой вере должны заниматься не особые миссионеры, а приходские священники [15, л. 1–7]. Другой пример. В 1803 г. министр внутренних дел Виктор Кочубей направил императору Александру I записку, в которой указывал на то, что крещеные татары Нижегородской губернии «обнаружили желание возвратиться в магометанство». В ответ на это император указал перевести на местные языки Символ веры, Десятословие и ряд важнейших молитв, начать

© Орлов М. А., 2022

[1] Так именовались миссионеры в эпоху Екатерины II.

обучать будущих священников татарскому языку в духовных семинариях, а приходскому духовенству стараться «приводить сих непросвещенных к познанию истинной веры» [4, с. 13–14].

Из этого видно, что поводы для возрождения инородческой миссии были, но правительство предпочитало перекладывать ответственность за судьбы новокрещенского мира на приходское духовенство. К опыту организованного ведения миссионерской деятельности вновь обратились только при императоре Николае I. В Св. Синоде, рассматривая указы прежних правительств, касающиеся христианизации народов России, обратили внимание, что некогда существовали епархиальные проповедники [20, л. 1 об. – 2].

Поводов к изменению конфессиональной политики было достаточно. На «Высочайшее имя» стали поступать письма, в которых новокрещеные просили оставить православие и легально исповедовать язычество и ислам. Обнаруживались факты совершения новокрещеными религиозных обрядов язычества и мусульманства. В 1827 г. в Царевококшайской округе в д. Варангуши (Казанская губерния) земским исправником Микулиным было обнаружено «скопище» крещеных и некрещеных марийцев, «упражняющихся в противном Богу жертвоприношении» [19, л. 4 об. – 5]. Несколько позднее в Сернурском правлении (Уржумский уезд) было обнаружено собрание марийцев «противное гражданским и церковным законом». Во время совершения языческого жертвоприношения присутствовало около трех тыс. марийцев, между которыми были и новокрещеные [21, л. 1–2 об.]. Согласно данным, собранным в Казанской губернии, только за первую половину 1829 г. число «отпавших в язычество и магометанство» составило 233 тыс. человек [20, л. 16 об.]. Сложно установить достоверность данных показателей, однако нет оснований не доверять сообщениям о многочисленности «отпавших». Массовые отступления от официального вероучения являлись, по любопытному замечанию П. Верта, как «значительный откат назад», «значительное поражение» (significant setback) в конфессиональной политике государства [30, p. 2].

Св. Синод, рассматривая просьбы новокрещеных вернуться к прежнему вероисповеданию, напоминал правила Вселенских Соборов, «воспрещающие христианам отступать от правоверия к неверию» [9, с. 118]. Оставлять «отпавших» среди язычников и мусульман церковные власти не могли в силу канонических правил. Бездействие в такой ситуации, с точки зрения пастырских обязанностей хранить вверенную «паству», было бы моральным преступлением.

Ответом властей на процесс отступничества новокрещеных было решение учредить в разных регионах Российской империи особые миссии. В течение 1828–1829 гг. Св. Синод провел несколько заседаний, на которых обсуждался вопрос о способах удержания «отпавших». При этом члены Синода приводили в качестве примера существовавшие на тот момент миссии в Грузии, Архангельской, Иркутской епархиях, а также деятельность особых миссионеров, учрежденных «для возвращения в недра Церкви отпавших в жидовскую секту». Общие начертания проекта были подготовлены руководством Казанской епархии [20, л. 1 об. – 3 об.].

В Вятской епархии было учреждено две миссии – марийская («черемисская») и удмуртская («вотяцкая»). Марийская миссия была организована по указу обер-прокурора Св. Синода, а удмуртская – по просьбе священника Иосифа Стефанова [7, с. 38–39]. В сентябре 1829 г. вятский епископ Кирилл (Богословский-Платонов) доносил Св. Синоду, что И. Стефанов, обозревая Глазовский и Малмыжский округи, заметил среди новокрещеных «обычаи идолопоклоннические». Священник предложил учредить в этих местах «миссионерства и школы» [16, л. 1–2 об.].

Вятский архиерей направил рапорт с предложением о. Иосифа в Св. Синод. В ответ епископу было предписано утвердить новокрещеных в христианской вере, выбрав подходящих миссионеров и разработав для них инструкцию [16, л. 3–4 об.]. Поэтому можно предположить, что автором проекта был вятский епископ Кирилл, но с оговоркой, что некоторые идеи были подсказаны ему лицами, несомненно, более сведущими в вопросе о религиозном состоянии новокрещеных. Это подтверждается указанием в отчете вятского епископа Иоанникия (Образцова) Св. Синоду о результатах деятельности вятских миссионеров за 1834 г. Он писал, что меры утверждения новокрещеных в христианской вере были предложены священниками Иосифом Стефановым и Иоанном Анисимовым [17, л. 1].

«Наставление» вятским миссионерам начинается с установки на связь современной миссии с «великим делом Апостольским» [16, л. 11]. Напоминание о преемственности с миссией апостолов было традиционным для православной миссии. В XVIII в. казанский епископ Лука (Канашевич) писал миссионерам, что сие дело, на которое они призваны, «воистину апостольское» [11, с. 235]. Иркутский епископ Софроний (Кристалевский) требовал от священни-

ков «всемерно стараться по Апостольской заповеди обращать и просвещать святым крещением в Грекороссийскую Православную веру» [29, с. 36]. Святой Иннокентий, архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский, наставлял миссионера иеромонаха Феофила, что дело, на которое он отправляется, «есть дело, поистине, святое и равноапостольное» [10, с. 97]. Можно сказать так: редко можно было встретить инструкцию миссионеру, в которой бы не проводилась прямая связь с апостольской миссией. Отсутствие такого упоминания стоит расценивать как пренебрежение к древней церковной традиции связывать свою деятельность с апостолами. В Византийской империи некоторые императоры (например, Василий I Македонянин) смотрели на свою власть как на средство обращения язычников в прямой связи с апостольской миссией [3, с. 154].

Инструкция вятским миссионерам предписывала: прежде чем приступить к проповеди, миссионеры должны совершить литургию. К проповеди приступают только тогда, когда призовут «благодать Всесвятаго Духа» [16, л. 11]. Возможно, здесь указывалось на необходимость предварительного участия в евхаристии, после которой духовно обновленный миссионер приступал к своему делу. В инструкциях для православных миссионеров XVIII–XIX вв. редко можно встретить указание на литургию как исходный момент миссии. В синодальной инструкции, созданной в 1769 г. при обер-прокуроре П. П. Чебышеве, указывалось, что в день отправления проповедника архиерею предписывалось отслужить литургию и преподать ему краткое поучение [14, л. 5–6]. Но, как правило, в инструкциях такого упоминания не было.

В начале проповеди миссионер должен был напомнить новокрещеным, что они суть христиане и это есть единое «щастие», а «нещастие, что они не радят знать учение христианское» [16, л. 11]. Этот фрагмент показывает, что автор проекта рассматривал новокрещеных как настоящих христиан, хотя бы они и были далеки от церковных традиций и преданий. На наш взгляд, это важное замечание, показывающее, что, несмотря на всю отдаленность от высокой христианской жизни, крещеный рассматривался в существе своем как человек совершенно иной, чем язычник и мусульманин, хотя бы и жил по-язычески и по-мусульмански.

Если для православного миссионера конечной целью «крещеного инородца» было изменение своей жизни к чистым христианским началам, то сами новокрещеные, по крайней мере значительная их масса, полагала, что следование вере «отцов и дедов» не есть побочный и ненужный элемент, но составляет существо миросозерцания. Изучая массу документов по истории христианизации народов Волго-Уральского региона, П. Верт пришел к выводу, что даже в тех случаях, когда нерусские новокрещеные осознавали себя православными, они утверждали, что это не избавляет их от необходимости поклоняться местным духам (venerate indigenous spirits) [30, p. 3]. Действительно, данная мысль подтверждается уже первыми донесениями миссионеров, отправившихся с инструкцией в новокрещенские селения. Священник Иоанн Анисимов с ноября по декабрь 1830 г. вел беседы с «новокрещеными вотяками», которые «слушали с довольным вниманием и усердием», готовы были «возрастать и утверждаться в христианстве», однако отказались «отстать от языческих обычаев» [16, л. 39–40].

Миссионеры, согласно инструкции, должны были словом и личным примером довести новокрещеных до понимания истины христианства. Пример доброго пастыря мог отвести, как на то надеялось епархиальное руководство, новокрещеных от своих («ложных») представлений. После этого явится плод: «благия последствия», когда «они сами скоро познают слепоту свою, и тем скорее оставят заблуждения и суеверные обряды доселе содержимые, а затем охотно прилепятся к Церкви Христовой и возлюбят Единаго Истиннаго Бога и Его же послал есть в мир Единароднаго Сына Своего Господа Иисуса» [16, л. 11].

Во время миссионерских объездов проповедники, совместно с церковнослужителями и утвержденными в христианстве удмуртами, должны были входить в дома новокрещеных, вступать с ними в «простые», отвлеченные от религии разговоры и тем возбуждать любопытство домохозяев. После этого они «неприметным образом делали переход к предмету своему» [16, л. 11 об. – 15], то есть собственно миссионерским беседам. Подобная идея встречалась в инструкции сибирским миссионерам 1769 г., где предписывалось, чтобы миссионер «с любопытством» узнавал о «вере и богослужении», а после доказывал «их неправость» [14, л. 14 об.].

Инструкция дозволяла миссионерам «с благоразумною осторожностию» участвовать в некоторых праздничных собраниях новокрещеных. Под этими собраниями, по всей вероятности, стоит понимать анимистические обряды, регулярно совершавшиеся «крещеными инородцами». Автор проекта ссылался при этом на слова апостола Павла: «бых беззаконным, яко беззаконен, да приобрящу беззаконныя». Это означало, что миссионеры могли присутство-

вать на религиозных церемониях, но не как соучастники, а как наблюдатели, с тем, чтобы осторожно вести проповедь Христова учения [16, л. 12–13].

Насколько далеко могла простираться фантазия миссионера, сказать непросто. Где была граница «благоразумия», этого в документе не сказано. Практика показывала, что подобные акции могли обернуться для проповедника неблагоприятным исходом. П. Н. Луппов приводил пример безымянного проповедника, который летом 1836 г. посетил с. Шарканское, где собралось множество крещеных удмуртов для участия в языческом молении. Когда миссионер увидел, что удмурты под воздействием кумышки (спиртной удмуртский напиток) «выражали большое негодование и явное неудовольствие», то решил «в отвращение худых и неблагоприятных последствий» принять участие в их празднике и сам отведал кумышки. Это действие «послужило смягчением их сердец» и проповедь несколько удалась. Однако в Св. Синоде было отмечено, что подобные действия являлись «неосторожным поступком» [5, с. 1382].

Содержание учения, определенное в «наставлении вятским миссионерам», несколько отличалось от того учения, которое предлагалось в инструкциях предыдущего столетия. В XVIII в. правовые акты устанавливали довольно расширенное учение, включавшее не только нравственные стороны христианства, но и догматику. Так, указ от 11 сентября 1740 г. предписывал обучать новокрещеных о «едином Триипостасном Боге и о воплощении Сына Божия, о спасительном Его за нас страдании и живоносном Воскресении и преславном на небеса Вознесении» и прочее [13]. Такие же пункты содержались в инструкции, данной игумену Седмиозерской пустыни Патрикию (1754 г.) [11, с. 231]. Согласно типовой инструкции, разработанной в Вятской духовной консистории для священников новокрещенских приходов, проповедник должен был обучать новокрещеных, «что един есть Бог в Троице и тройствен во единстве, о воплощении Сына Божия и искуплении кровию Его от клятвы законныя и прочая». Миссионеру вменялось в обязанность донести до новокрещеных, что все истинные правила жизни заключены в Библии [24, л. 79–79 об.].

В рассматриваемом же нами проекте учение о Святой Троице отсутствует, есть лишь краткое упоминание о втором лице, Сыне Божием. Больше внимания уделялось нравственной стороне христианства, например, как необходимо себя вести, чтобы не нарушить чистоту христианской веры. Есть упоминание об Ангелах, которые суть «старшие братия наша» и скорбят о пороках человеческих [16, л. 14–15].

Сложность любого миссионерского проекта в том, что нужно решить задачу: какие составить для «младенцев» (так именовали новокрещеных в XVIII–XIX вв.) правила, чтобы как можно удобнее вкоренить в сердца основы православного вероучения. При этом в самой краткой форме, сохраняя минимум знаний, необходимый для осознания себя членом единой кафолической (православной) Церкви.

В «инструкции вятским миссионерам» есть упоминание об иконопочитании. Миссионеры должны были напомнить новокрещеным, что икона должна чествоваться, но не боготвориться. Такое требование встречалось в инструкциях и в XVIII в. Согласно Синодальной инструкции 1767 г., сибирские проповедники обязывались учить, что святые образа нужно не боготворить, а почитать [25, л. 4]. Для новокрещеных видимость и осязаемость иконы возвращала к прежним верованиям в «наглядных богов» – идолов. Показательным может служить беседа прапорщика Слободской инвалидной команды Василия Булдакова с новокрещеным из чувашей К. Михайловым. Придя в дом к новокрещеному, прапорщик Булдаков увидел образа и стал увещать, что «иконы должно почитать и поклоняться телом, а душею и духом восходить горе, а егда де кто буде называть и почитать их Богом, то де сами себя подвергают по соборному святых отец преданию проклятию» [25, л. 4–4 об.]. Обеспокоенность прапорщика очевидна: он стремился отвратить новокрещеного от ложного понимания иконопочитания и направить его в русло ортодоксального учения.

В инструкции изложена и тема поста для новокрещеных. Согласно проекту миссионеры должны были учить новокрещеных, что пост состоит «в умеренности при употреблении пищи, и в воздержании от порочных склонностей и плотоугодия» [16, л. 14–14 об.]. Схожее мнение встречаем в инструкции сибирским проповедникам, где сказано, что проповедник мог увещевать, что пост необходим для душевного спасения, не принуждая к его соблюдению [14, л. 11].

В «инструкции вятским миссионерам» дано общее наставление, что пост для новокрещеных заключается «в умеренности при употреблении пищи», но не раскрывается конкретное содержание: понимать ли его как разрешение вкушения скоромной пищи (молока и мяса), но в умеренных количествах, или же строгое соблюдение церковного устава. Интересно

сравнить инструкцию епархиального руководства с предписанием Св. Синода о постных днях, которое было выражено в письме епископу Неофиту (Соснину). Св. Синод дал указание, чтобы епископ сделал по епархии распоряжение, дабы новокрещеные уважали постные дни. Более того, Св. Синод распорядился, чтобы архиерей сообщил в Вятскую палату Государственных имуществ о том, чтобы она помогала духовенству удерживать новокрещеных от нарушений постов [18, л. 15]. Следуя синодальному указу, епископ Неофит давал довольно конкретное наставление миссионеру Иосифу Стефанову, чтобы он убедил новокрещеное семейство с. Мултан воздерживаться от употребления скоромной пищи во время постов [18, л. 49].

В тех селениях, где были некрещеные, миссионерам вменялось в обязанность вести проповедь, убеждая их креститься [16, л. 14 об. – 15]. Можно сделать вывод, что инструкция разрабатывалась с целью не только утвердить новокрещеных в христианской вере, но и приумножить «Христово стадо».

Инструкция определяла также время года, в которое миссионеру нужно было выезжать на проповедь. Это могло быть только свободное от «поселянских (посевых – *М. О.*) работ» время. Предполагалось, что лучше проповедовать в октябре и ноябре, зимой – с декабря по февраль и в течение всей весны. Впрочем, оговаривалось, что миссионер мог проповедовать и в другие месяцы, когда наступит засуха или безветрие [16, л. 13–14 об.]. Выбранное время посещения неслучайно, так как летом наступает самый пик сельскохозяйственных работ. Беседы на духовные темы в такое время могли вовсе не восприниматься сельскими тружениками.

Миссионер во время объездов должен был вести дневник, в который мог записывать содержание поучений и свое мнение о ходе миссии. Эти дневники предполагалось отсылать епархиальному архиерею [16, л. 14 об. – 15]. В Синодальном архиве нам удалось найти такой дневник. Он был составлен в 1835 г. протоиереем Иосифом Стефановым. В нем описывается миссионерская поездка в Поломский приход (Глазовский уезд). О содержании поучений указано лишь то, что в нескольких селениях (Ураевское, Мало-Сырвайское и прочие) он поучал народ первому члену Символа веры (то есть о вере в Единого Бога Отца Вседержителя), а также «Таинству покаяния и причащения». По словам Стефанова, после этих бесед он сразу увидел «благодеяние Божие», которое проявилось в том, что не только новокрещеные, но и «зараженные расколом» стали чаще приходить в церковь, исповедоваться и причащаться. В свой дневник протоиерей Стефанов записал пожелание об устройстве школы для детей удмуртов и марийцев [17, л. 44–45].

Есть еще один пункт инструкции вятским миссионерам, который носит противоречивый характер. Инструкция предписывала, что переходить в другие селения миссионеры могут только тогда, когда убедятся, что новокрещеные «имеют твердое намерение оставить языческие обряды», а для удостоверения должны взять подписки с прихожан [16, л. 15 об.]. Формальное удостоверение в таком глубоко личностном вопросе, как выражение религиозных представлений, вряд ли можно считать подлинным мерилом внутреннего состояния подписавшегося. В истории русской православной миссии подобная практика впервые была введена в середине XVIII в. Синодальный указ определял подавать прошения всякому желающему креститься [8, с. 156]. Конечно, далеко не во всех случаях заверения на бумаге соответствовали внутреннему убеждению. В этом смысле можно привести пример епископа Камчатского и Алеутского Иннокентия (Вениаминова), который наставлял миссионеров, чтобы они требовали лишь устного отречения от прежней веры, без всякого письменного удостоверения [10].

Были случаи, когда новокрещеные вовсе отказывались давать какие-либо подписи. Крещеные марийцы с. Шаранги в ответ на увещания миссионера Иоанна Куртеева отвечали, что никакой подписки они дать не могут, так как, со слов миссионера, «им, якобы без таких мольбищь жить нельзя», ибо Бог не даст им ни хлеба, ни пчел [22, л. 12]. Встречались примеры, когда новокрещеные давали подписки вынужденно, против своего желания. В марийском селе Пектубаево жители утверждали, что «присягу они давали из под палки» [12, с. 285].

В последнем пункте инструкции миссионерам дозволялось привлекать новокрещеных к церковной жизни следующими способами: раздачей новокрещеным просфор, освященных хлебов, некоторых предметов с изображениями святых, а «внимательным» также и икон [16, л. 15 об.]. Такая практика наблюдалась и в других епархиях. В Пермской епархии миссионер Михаил Чемесов во время катехизических бесед с мусульманами и язычниками показывал картину рая и страшного суда. Можно сделать вывод, что это была весьма действенная мера, так как, по его отзывам, многие соглашались после этого креститься [2, л. 32 об.].

В заключении инструкция напоминает, что «в сем великом и многотрудном деле» миссионер может приспосабливаться под различные обстоятельства, исходя из «собственного

благоразумия» [16, л. 15 об.]. Таким образом, разработанная инструкция предполагала выбор действий, если для этого возникала необходимость.

Помимо инструкций в проекте есть пункт, в котором прописываются требования к миссионеру. Всегда и везде, при всех действиях, миссионеры должны быть «одушевлены усердие и ревностию неутомимою», иметь кротость, смирение и «терпение постоянное» [16, л. 9 об.]. Руководство епархии надеялось, что миссионеры будут действовать ab imo pectore («из самой глубины души», «от всего сердца», *лат.*). Подобные требования были распространены настолько, что стали едва ли обязательной нормой при разработке различных миссионерских проектов.

Обращает на себя внимание отсутствие в проекте вопроса о льготах для новокрещеных. Да и в целом роль и место государства в деле миссии не особо ясны. Однако при рассмотрении вопроса о православной миссии в Российской империи нельзя обойти молчанием «государственный фактор». Со времени Петра I, особенно же Елизаветы Петровны, православные миссионеры получали значительную поддержку со стороны государства. В некоторых случаях миссионер рассматривался ответственным не только за «словесное стадо», но и за благополучие государства. Достаточно ясно на это указывает синодальная инструкция сибирским проповедникам, где указано, что миссионер должен новокрещеных «привести их единомыслию и расположить к единому общей государственной пользы наклонению» [14, л. 9].

Сами миссионеры хорошо понимали, что указание в проповеди на власть «Его Императорского Величества» есть залог успеха. Духовенство с. Мултан отмечало, что «наши убеждения в сих некрещеных ни мало не действуют», а упоминание о высшей власти приводит к «повиновению» [6, л. 1205]. Насколько далеко могла распространяться государственная власть в деле распространения православия, на это инструкция не давала ясного ответа.

В инструкции нет указаний на роль приходского духовенства в процессе христианизации народов Вятского края. Главной персоной миссии становился миссионер, назначаемый на эту должность епархиальным начальством. Именно к миссионеру, а не к приходскому священнику обращена инструкция.

Должность миссионера в первую очередь предполагала деятельное участие в распространении христианства. После «обращения» должно было следовать утверждение новокрещеных в христианской вере. Именно это являлось повседневной работой приходских священников с «пасомыми», которые имели больше времени, чем миссионеры-проповедники. Миссионер бывал в новокрещенских селениях только несколько раз в год, а иные и вовсе не бывали, как миссионер Алексий Виноградов [17, л. 3 об.]. Правда, впоследствии некоторые миссионеры пытались восполнить этот пробел инструкции, указывая приходскому духовенству осуществлять «свой надзор и пастырския попечения о возвращении их (новокрещеных – *М. О.*) на путь истины» [18, л. 5].

Так в общих чертах выглядела инструкция, разработанная для миссионеров Вятской епархии. Принесла ли пользу данная инструкция, как и в целом учреждение миссии в конце 1820-х гг.? Очевидно, что ответ на данный вопрос нужно искать в документах более поздней эпохи. Важно при этом учитывать, что взгляд на духовно-нравственное состояние «крещеных инородцев» в церковной среде весьма разнился. Одни рассуждали так: если среди новокрещеных еще сохраняются «предания отцов и дедов» (то есть языческие обычаи), следовательно, миссия оказалась безрезультатна [28, л. 5–8]. Нам такой подход представляется несколько прямолинейным. И вот почему: из поля зрения упускается динамика вызревания плодов христианской жизни новокрещеных. Во второй половине XIX – начале XX в. были такие миссионеры и приходские священники, которые, несмотря на сохранение у новокрещеных «преданий старины», отмечали у них рост христианской жизни. Наблюдался, прежде всего, процесс вытеснения анимистических верований православными традициями.

Верно то, что к концу XIX в. у новокрещеных Вятской епархии было еще достаточно языческих пережитков. Многие «крещеные инородцы» даже открыто выступали против Христова учения и духовенства, хотели разорвать с православием и перейти либо в мусульманство, либо в язычество. Все это так и вряд ли это стоит опровергать. Но нельзя не заметить и противоположного процесса, который проясняется, когда обозрим историческую перспективу христианизации «вятских инородцев» в течение XVIII–XIX вв.

Полноценная миссионерская деятельность началась в XVIII в. Итогом этой деятельности стало то, что к концу столетия в православие была обращена масса «инородцев». Но к большинству новопросвещенных уместно было приложить русскую поговорку: крещеный, но

не спасенный. Масса новокрещеных была далека не только от сущности Христова учения, но и от православной обрядности.

Первые три десятилетия XIX в., по большому счету, ситуацию не изменили. Но что же видим к концу XIX в.? Миссионеры все чаще стали употреблять добрые эпитеты в адрес новокрещеных. И это были не канцелярские отписки, а результаты длительных наблюдений после продолжительных лет службы в «инородческих селах». Протоиерей Иосиф Стефанов в отчете за 1861 г. писал, что в Глазовском уезде удмурты все более забывают язычество, а «предметы веры христианской проясняются» [27, л. 2 об.]. Священник с. Починского (Яранский уезд) Семен Лобовиков доносил, что новокрещеные, особенно молодые, «от церкви Божией не удаляются, христианские обязанности соблюдают» [27, л. 22 об. – 23]. Сарапульское Вознесенское братство в отчете за 1903 г. указывало: «инородцы» Сарапульского викариатства веруют в Единого Бога «Троичного в лицах», в Иисуса Христа как Искупителя, чтут церковные Таинства [28, л. 36 об.].

О наличии подобных перемен в религиозной жизни новокрещеных писал также глазовский миссионер, протоиерей Михаил Фармаковский. Удмурты не были «совершенно свободны от поверий», но в «преобладающем большинстве инородцы являли добрые черты религиозного настроения», как то: почитание христианских святых и Божией Матери, регулярное приношение детей в воскресные дни для причащения. Создается впечатление, что о. Михаил смотрел на крещеных удмуртов как на малых милых детей, для которых языческие поверия не более как игрушка [23, с. 523–527]. Наконец, о том же писал крупный специалист в области удмуртской этнографии и религии Г. Е. Верещагин. Посетив множество удмуртских сел Глазовского уезда, он отметил, что крещеные удмурты достаточно полно усвоили христианскую веру. Так, они глубоко чтили преп. Трифона Вятского, были далеки от «суеверий» [1, с. 5–6].

Если в данное исследование включать весь объем аналогичных свидетельств, эта работа не была бы завершена. Приведенных фрагментов вполне достаточно для ответственного суждения: учрежденная миссия способствовала более глубокому проникновению христианских начал в религиозный мир новокрещеных. Конечно, были и другие факторы христианизации, такие как русификация (ассимиляция), создание школ, переводческая деятельность по системе Н. Ильминского. Но миссионеры 1830–1850-х гг. дали силу тому движению, которое впоследствии было развито системой Ильминского.

Список литературы

1. *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб. : Тип. И. И. Скороходова, 1889. 197 с.

2. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 199. Оп. 1. Д. 30.

3. *Иванов С. А.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М. : Языки славянской культуры, 2003. 375 с.

4. *Ильминский Н. И.* Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия: Материалы для истории православного русского миссионерства. Казань : Тип. ун-та, 1883. 356 с.

5. *Луппов П. Н.* Взгляд Императора Николая I на меры к утверждению вотяков в христианстве // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 36. С. 1371–1383.

6. *Луппов П. Н.* Очерки по истории распространения и утверждения христианства у вотяков в XIX веке // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 21. С. 1204–1213.

7. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка : Губ. тип., 1911. 568 с.

8. *Малов Е.* О новокрещенской конторе. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Казанской духовной академии 1878 г. // Православный собеседник. 1878. Ч. III. С. 1–208.

9. *Можаровский А.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 гг. М. : Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1880. 261 с.

10. Наставление высокопреосвященнейшего Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, нушагагскому миссионеру иеромонаху Феофилу // Церковные ведомости. 1900. № 3. С. 97–107.

11. *Никольский Н. В.* Христианство среди чуваш среднего Поволжья в XVI–XVIII веках : исторический очерк. Казань : Типолит. Имп. ун-та, 1912. 416 с.

12. *Одоев А.* Страничка прошлого (исторические наброски) // Вятские епархиальные ведомости. 1901. № 7. С. 363–394.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XI. № 8236.

14. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 50. Д. 5.

15. РГИА. Ф. 796. Оп. 79. Д. 119.

16. РГИА. Ф. 796. Оп. 110. Д. 793.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 116. Д. 657.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 285.
19. РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 12647.
20. РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 12652.
21. РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 12654.
22. РГИА. Ф. 797. Оп. 14. Д. 33778.
23. *Фармаковский М.*, прот. Из отчета Глазовского миссионера за 1878 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1879. № 21. С. 524–527.
24. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 237. Оп. 2. Д. 7.
25. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 505.
26. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 893.
27. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 165. Д. 81.
28. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 222. Д. 334.
29. *Юрганова И. И*. Христианизация и исполнение православной обрядности на восточных окраинах Российской империи (вторая половина XVIII века) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 6. С. 34–43.
30. *Werth, Paul W*. (Paul William) At the margins of orthodoxy: missions, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. Ithaca, London, 2002. 275 p.

"Instruction to Vyatka missionaries" is a missionary project for the approval of newly baptized in the Christian faith

M. A. Orlov
PhD in Historical Sciences, St. Petersburg Lyceum.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. Currently, there is an increased interest in church history. Special attention is paid to the history of the spread of Orthodoxy among the peoples of Russia. The article reveals the peculiarities of the development of the project of the organization of the Orthodox mission in the Vyatka diocese. The project was created by the diocesan leadership in the early 1830s and was called "Instruction to Vyatka missionaries". In the second third of the XIX century, missions appeared in various regions of Russia to establish and spread Christianity among the non-Russian peoples of the empire. After the ban at the end of the XVIII century . For diocesan preachers to carry out missionary activities, the duty of spreading the Christian faith and affirming the newly baptized in it was transferred to the parish clergy. The mass apostasy of the newly baptized into paganism and Islam in a number of dioceses, including Vyatka, led to the establishment of full-time missionaries. Various instructions for keeping newly baptized in the Christian faith began to appear. In this context, the "Instruction to Vyatka missionaries" appears. Its peculiarity was that it was aimed more at retaining the newly baptized in the Christian faith than at attracting new adherents. The article attempts to consider the practical implementation of the project, as well as to compare the points of the project with the plans developed at different times in the dioceses of Russia.

Keywords: mission, Vyatka diocese, Volga-Ural region.

References

1. *Vereshchagin G. E. Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii* [Votyaki of Sarapulsky uyezd of Vyatka province]. SPb. Typ. of I. I. Skorokhodov. 1889. 197 p.
2. SAPK (State Archive of Perm Krai). F. 199. Inv. 1. File 30.
3. *Ivanov S. A. Vizantijskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz "varvara" hristianina?* [Byzantine missionary work: Is it possible to make a Christian out of a "barbarian"?] M. Languages of Slavic culture. 2003. 375 p.
4. *Il'minskij N. I. Opyty perelozheniya hristianskih verouchitel'nyh knig na tatarskij i drugie inorodcheskie yazyki v nachale tekushchego stoletiya: Materialy dlya istorii pravoslavnogo russkogo missionerstva* [Experiments of translating Christian doctrinal books into Tatar and other foreign languages at the beginning of this century: Materials for the history of Orthodox Russian missionary work]. Kazan. Typ. of University. 1883. 356 p.
5. *Luppov P. N. Vzglyad Imperatora Nikolaya I na mery k utverzhdeniyu votyakov v hristianstve* [The view of Emperor Nicholas I on measures for the approval of Votyaks in Christianity] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka diocesan news. 1906. No. 36. Pp. 1371–1383.
6. *Luppov P. N. Ocherki po istorii rasprostraneniya i utverzhdeniya hristianstva u votyakov v XIX veke* [Essays on the history of the spread and establishment of Christianity among the Votyaks in the XIX century] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka diocesan news. 1904. No. 21. Pp. 1204–1213.
7. *Luppov P. N. Hristianstvo u votyakov v pervoj polovine XIX veka* [Christianity among the Votyaks in the first half of the XIX century]. Vyatka. Gubernia typ. 1911. 568 p.

8. *Malov E. O novokreshchenskoj kontore. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom godichnom sobranii Kazanskoj duhovnoj akademii 1878 g.* [About the Novokreschenskaya office. Speech delivered at the solemn annual meeting of the Kazan Theological Academy in 1878] // *Pravoslavnyj sobesednik* – Orthodox interlocutor. 1878. Part III. Pp. 1–208.

9. *Mozharovskij A. Izlozhenie hoda missionerskogo dela po prosveshcheniyu kazanskih inorodcev s 1552 po 1867 gg.* [Presentation of the course of missionary work on the enlightenment of Kazan foreigners from 1552 to 1867]. M. Society of Russian History and Antiquities at Moscow State University. 1880. 261 p.

10. *Nastavlenie vysokopreosvyashchennejshego Innokentiya, byvshego arhiepiskopa Kamchatskogo, Kuril'skogo i Aleutskogo, nushagagskomu missioneru ieromonahu Feofilu* – Instruction of His Eminence Innokenty, former Archbishop of Kamchatka, Kuril and Aleut, to the Nushagag missionary Hieromonk Theophilus // *Cerkovnye vedomosti* – Church news. 1900. No. 3. Pp. 97–107.

11. *Nikol'skij N. V. Hristianstvo sredi chuvash srednego Povolzh'ya v XVI–XVIII vekah : istoricheskij ocherk* [Christianity among the Chuvash of the Middle Volga region in the XVI–XVIII centuries: a historical essay]. Kazan. Typolit. of Imperial university. 1912. 416 p.

12. *Odoev A. Stranichka proshlogo (istoricheskie nabroski)* [Page of the past (historical sketches)] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka diocesan news. 1901. No. 7. Pp. 363–394.

13. The complete Collection of laws of the Russian Empire. 1. SPb. 1830. Vol. XI. No. 8236. (in Russ.)

14. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 796. Inv. 50. D. 5.

15. RSHA. F. 796. Inv. 79. File 119.

16. RSHA. F. 796. Inv. 110. File 793.

17. RSHA. F. 796. Inv. 116. File 657.

18. RSHA. F. 796. Inv. 121. File 285.

19. RSHA. F. 797. Inv. 3. File 12647.

20. RSHA. F. 797. Inv. 3. File 12652.

21. RSHA. F. 797. Inv. 3. File 12654.

22. RSHA. F. 797. Inv. 14. File 33778.

23. *Farmakovskij M., prot. Iz otcheta Glazovskogo missionera za 1878 g.* [From the report of the Glazovsky missionary for 1878] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan news. 1879. No. 21. Pp. 524–527.

24. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 237. Inv. 2. File 7.

25. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 505.

26. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 893.

27. CSAKR. F. 237. Inv. 165. File 81.

28. CSAKR. F. 237. Inv. 222. File 334.

29. *Yurganova I. I. Hristianizaciya i ispolnenie pravoslavnoj obryadnosti na vostochnyh okrainah Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XVIII veka)* [Christianization and performance of Orthodox rites on the eastern outskirts of the Russian Empire (the second half of the XVIII century)] // *Gumanitarnyj vektor* – Humanitarian vector. 2020. Vol. 15. No. 6. Pp. 34–43.

30. *Werth, Paul W.* (Paul William) At the margins of orthodoxy: missions, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. Ithaca, London, 2002. 275 p.